

DOI: 10.15643/libartrus-2024.3.2

Концепт жилья и дома как места обетованного

© А. Н. Муфтахова

*Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Россия, 199178 г. Санкт-Петербург, Средний проспект В. О., 57/43.*

Email: msalmira@yandex.ru

Актуальность темы заключается в том, что при наделении жилья и дома несуществующими конструктами, отдалается момент предписываемого обладания социокультурными благами, и впоследствии под влиянием неконтролируемых внешних факторов трансформируется из необходимости решения жилищного вопроса в некую обетованную землю, непостижимую и никогда не обретаемую. Данный материал представляет потребность в закреплении понятийного аппарата, применяемого в дальнейших методологических исследованиях. Смешивание, а порой откровенная путаница в категориях «дом», «быт», «повседневность», «жилье» и «жилище», демонстрирует непогружение исследователя в изучаемый объект и полное игнорирование объективных факторов, существующих вопреки тем или иным научным школам. В работе предпринята попытка разграничения вышеуказанных понятий, выявляя жилищное в жилье и отделяя жилье от жилища, обособляя дом от домашности. Таким образом, фиксация терминов, объясняющих жизнеобитание индивида в социальном пространстве, подкрепляется весомостью сравнительных сопоставлений, с ликвидацией ошибок и логических допущений, применяемых при изучении вопросов жилья. Основная цель материала заключается в выявлении полярного различия различностей дома и жилья. В качестве объекта выступила концептуальность разности дома и жилья. Предметом обозначена недостижимость места обетованного через категории жилища и дома.

Ключевые слова: *жилье, жилище, дом, пристанище, место обитания, место пребывания.*

Основная часть

Находясь под влиянием воспроизводства формации, наследуя не нами созданную систему социально-экономических отношений, культуру, историю, мы вынуждены подчиняться нормативно-признанным правилам в русле несправедливых взаимодействий, ведущих к искоренению явлений (по своей витальной силе определяющих характеристики), инклюзивно сохранивших возможности для рефлексии относительно коммуникаций с акторами, принимающими флуктуационные решения.

Появившись, благодаря не нашим действиям, а первородному воспроизводству человека человеком, обретая свою собственную точку в социальном пространстве жизни, мы зависим от внешних факторов и оказываемся в неконтролируемой нами массе возбудителей в поиске защиты от их воздействий, однако сброшенное судьбой фактическое место нахождения в дальнейшем будет определяться как жилье.

Несмотря на заранее заявленные в методологических исследованиях парадигмы о «счастье», «свободе» и «равенстве», человек рождается таким, как он есть, кричащим куском мяса, с нравственным законом вокруг, и со звездным небом внутри себя. С первым вздохом кислорода

вновь обретаемая человеческая единица социума лишается выбора, фиксируясь в точке социального пространства, именуемой в дальнейшем жилищем, как общепринято преподносить табуированное определение жилья. Попытаемся далее их разграничить, выявляя жилищное в жилье и отделяя жилье от жилища, обособляя дом от домашности.

Так, по велению Норн, человек получает свою точку в социальном пространстве в виде замка, дворца, комнаты в коммуналке, коробке от холодильника или куче листьев. С того самого момента, как человек впервые открыл глаза, совокупность его ощущений: защищенности от внешнего мира, чувства расслабления, эмоций домашности, уюта и удовлетворения удовольствий, конформности комфорта – будет формировать в его сознании образ дома.

Барон замка, несмотря на глинобитные орудия своих противников, и большинство своих рыцарей, polegших от порчи, готов до конца жизни (а возможно до сегодняшнего полнолуния, когда подъедет осел, груженный золотом) защищать вверенный ему на правах управления кусок не совсем крепких, но правильно расположенных самобытных амбразур, уложенных в геометрической пропорции.

Лицо без определенного места жительства защищает от внешнего воздействия свою кучу листьев, свой подвал, нору, переполненную тряпьем, пытаясь воссоздать уютность жилища, повинуюсь воспроизводству реликтовых практик, так и не оторвавшись от пуповины природы. Этот представитель андеркласса, это лицо будет оберегать свою коробку от телевизора от других бомжей, присваивая и приобретая социокультурное право на благо укрыться от холодного ветра и возможности пары часов сна без беспокойства быть покалеченным грызунами или паразитами.

Раскопавший кучу земли и накидавший сверху веток, поклонник экологичного бытования повседневности будет всемерно рад распустившимся цветкам сирени, или садочку вишни, заменившим ему плано-индустриально воздвигнутые элементы расселения действующего жилищно-коммунального хозяйства.

Ребенок, родившийся в 24-комнатной коммунальной квартире, в комнате на 9 кв. м будет создавать свой внутренний мир жизнеобитания, состоящий из мыслеобразов, расширяющих пространство его жилья до социального пространства коммуникаций внешнего мира – школы, друзей, улицы, семьи.

Собственник горизонтального пространства, отсчитываемого от стен в квартире многоквартирного дома (поскольку его пол это чей-то потолок, а в свою очередь, его потолок есть чей-то пол, а стены соседствуют с внутренним межквартирным наполнением дома, жильцами иных квартир, или противопоставляются внешнему миру), вынужден вступать в противоборство с городской формой хозяйствования. И при распределении воды, тепла, света и электричества, в коллективной форме противостояния, собственник остается всегда проигравшим, сохраняя мистическую надежду в социальном шансе на миг единения комфорта проживания, с успокоением домашнего уюта, сохраняя при этом чувство тревожности, потерянности, обездоленности и страха перед завтрашним днем.

Домовладелец хижины, запертый в индивидуальном жилище, внутри изолированного пространства архитектурных взаимодействий (пол и потолок – его собственность, а стены соседствуют с внешним миром), обретает свою самость, и только из внутренних применяемых сил конкурирует в борьбе за социально-экономическую вероятность наполнить свое жилище благами жизнеобеспечительного комфорта и витального уюта. Но при этом отрицает существующую экономическую модель поведения поставщиков социокультурных благ.

Запертый в четырех стенах человек, твердо стоящий ногами на полу, в свою очередь, являющемся для кого-то потолком, и накрытый очередной фактурой потолок-пол, или упавший на гору листьев путник, в тот или иной момент определяет или назначает именно эту точку в социальном пространстве как жилище, поскольку именно сейчас он готов бороться, защищаться от внешнего воздействия, присваивать права, ему принадлежащие, и доминировать над теми, кому не посчастливилось оказаться в его ситуации, кто не смог или не удосужился воспользоваться социальным шансом на сон, еду и спокойствие, изъав их из общего употребления жизнеобитания.

Подобный манифест о намерениях самоустраниться владельцу прав собственности на средства производства от социальных гарантий сохранения жизненнопригодных условий проживания очень популярен при рыночных отношениях распределения благ, поскольку актер, котирующий нормы жилищно-коммунальных услуг, снимает с себя ответственность, отказывая как государству в защите своих граждан, так и гражданам в защите себя перед природными стихийными явлениями [1]. Такое моральное поведение чрезвычайно востребовано, и данный актер отличается экономическим умом и предпринимательской сообразительностью.

Так, человек, как таковой, приспособлен противостоять внешнему воздействию социально-экономической среды, способен терять себя самого, обретая укоренение в социальном пространстве, несмотря на все козни [2, с. 420], творимые внешним воздействием флуктуационного социума.

И здесь, скорее, стоит говорить о синдроме «черного рыцаря» [3], который не уступит никому, дабы сохранить свою точку в социальном пространстве, определяющую его место нахождения, и подвергаясь внешнему критичному воздействию, будет бороться до конца, даже под угрозой физического истребления.

Проблема заключается в том, что определяемая кем-то другим, не нами, унаследованная точка в пространстве осуществления, и защищаемая «черным рыцарем», является мостом. Мост, с точки зрения М. Хайдеггера, есть действие, предопределенное жизнью, который также необходимо строить, как и жилье, потому как это и есть сама жизнь, текущая рекой, через которую возводится вышеупомянутый мост [4, s. 156].

Мост связывает обе стороны нашей обыденности: рождение и смерть. Совершая ритуал строения строения, мы возвращаемся на исходную позицию нахождения на мосте, потому как жизнь не отделяется от состояния смерти, а, в свою очередь, переход моста есть торжество над смертью, то есть жизнь.

М. Хайдеггер в работе «Строить Обитать Мыслить» (в свойственной ему манере эпических отсылок) описывает происхождение жизнеобитания жилища через течение ручья жизни и строительства мостов, их соединяющих [4, s. 155].

Продолжим же его повествование. Так, скальд Виллеман, помогая Магнхильде преодолеть реку и попасть к своему жениху, вдобавок к основному мосту, под которым сидел тролль, построил другой, чем самым спровоцировал конфликт, из которого, однако, вышел победителем, ударив по золотым струнам своей арфы [5].

Таким действием власть имущие, имея право собственности на средства производства, провоцируют оппозиционное противостояние с теми, кто не вписался в их принятую и закреплённую нормами систему отношений, строительством «мостов», которые сверх нужды нужны именно в данный исторический момент, поскольку это позволит объединить их сообщество

символами и знаками подобно звуку золотых струн арф. Однако изобилие мостов, арф, струн (пусть даже и золотом объятые и Фрейей благословленными) все более дистанцируют тех, кто не смог вписаться в их эпос, и по различным причинам не готов присоединиться к радению Виллемана, поскольку являются вполне себе существующими в объективной реальности гражданами со своими потребностями и нуждами вне трактовок древнегерманского повествования немецкого философа.

Далее М. Хайдеггер низводит глаголы строить и мыслить через овеществление вещи. То есть содержимое формы в его интерпретации есть поглощение характеристик первоначальным действием. Через собственное понимание древнегерманских ритуалов мыслитель приводит обоснованное предположение о том, как вещь, наливаемая в отлитое, обретает объективные свойства и становится тем, чем задумывалась в интерпретации индивида [6, с. 174]. По сути, жилье будет местом обитания и осуществления жизнежительства, если обретет свойства дома.

С такой позицией легко согласиться при условии, что мы говорим об одной единственной точке в социальном пространстве. Если данных координат много, то либо происходит постоянное территориальное перемещение, как по горизонтали, так и по вертикали иерархий жилищ, где лишь одно занимаемое положение становится жильем, так называемое М. Хайдеггером «жительство в дороге», либо данная произвольная позиция жилья, зависящая от принятых норм современных форм хозяйствования, испытывает избыток самого себя. Как, по емкому утверждению А. Лефевра, строения, дома, здания должны быть хирургически препарированы, дабы вскрыть социальность жизни, спрятанную от глаз бетонными стенами жилища [7, р. 91]. Иначе говоря, даже если присутствует много объектов жилой недвижимости, сохраняется условие, при котором только одно из них жилищ может быть жильем, а другие объекты становятся материальной ценностью.

Подобное требовательное отношение к росту своих экономических интересов по удовлетворению жилищной нужды в обычаях рассуждений нивелируется «законом возвышения потребностей» [8, с. 101]. Такое клише, однако, может быть подвержено сомнению, поскольку существует и иная точка зрения. Так, опираясь на О. Конта и его концепцию позитивизма, русский публицист и общественный деятель С. Н. Булгаков препарирует динамику увеличения нуждаемости, выявляя то, что она не имеет негативного окраса, а свидетельствует, скорее всего, о прогрессе в человеческих отношениях. Ссылаясь на В. Зомбарта, русский философ приводит обоснование своих слов «Рост потребностей и их удовлетворения является истинно прогрессивным лишь постольку, поскольку он освобождает дух, одухотворяет человека» [9, с. 47].

В свою очередь, упомянутый немецкий ученый в свое время писал, что деятельность увеличения требований к покрытию потребностей есть становление человека «Menschenwerden» [10], поскольку чем более требователен индивид к методам и способам удовлетворения нужды, тем более развитыми становятся отношения в обществе. Но данный процесс не может быть флуктуационным и разрушительным, потому как при существовании прогресса, регресс и деградацию человек из своих «плоских и широких ногтей» все еще не хочет упускать. К примеру, на основе рассуждений о роскоши, которая В. Зомбартом отнесена к изящной потребности, в отличие от животной (основной и неизменной) и культурологической (исторической и меняемой по взмаху руки), немецкий философ показывает, что удовлетворение подобной нужды «есть такая трата, которая выходит за пределы необходимого» [11, с. 90]. То есть возникает то самое явление «мусорной корзины» [12, с. 66], которое описал Ж. Бодрийяр.

Материальность избытка вещей представлена у В. Зомбарта в позиции роскоши [11, с. 88], когда к тому, что нужно, прибавляют надстройку из символов эволюции доминирования одних над другими, поскольку по повелению руки все еще существует возможность устанавливать границы культурных потребностей и «необходимого» в культурном плане.

Из доксы Ж. Бодрийяра следует, что то, что сверх нужды, становится тем, что сверх меры [12, с. 69]. Если границы первого можно объяснить избытком, то фронтиры второго не регулируются и подвержены мистицизму товарного фетишизма существующей модели потребления. Этот переизбыток товаров и вещей утрачивает свою функциональность, и по итогу отправляется в мусорную корзину, и «наливаемое в отлитое» [6, с. 171] переливается через край.

По причине экономического закабаления, с учетом современных воспринятых отношений в социуме, где стоимость прохода моста превышает возможности строительства другого моста, уже кто-то другой, бенефициар осуществления прав распоряжения и владения ресурсами собственности на средства производства, будет способен преодолеть построенный и обитаемый мост под звук кокосов «экономического робинзона» [13].

Однако здесь стоит задаться вопросом, а имеет ли любой человек на это право –пересекать мост, излагать свои требования и пытаться защититься, отгородившись от внешних факторов фронтирами узаконенных и признанных совокупностью физических стен?

Неопределенность ответа способна породить еще большую неясность, потому как фактическое нахождение индивида определяется местом пребывания, зафиксированным в нормативных актах, а также правом собственности, что легитимизировано современной формой управления как высший и единственный правомерный способ самореализации в поиске мобильного перехода вверх по лестницам социального здания государства. Однако, ввиду заранее внесенных правок в маршруты и ежеминутной смены указателей, все лестничные пролеты приведут только вниз по нисходящей иерархии общества, поскольку путь к социальным лифтам давно заблокирован бесконечной очередью стремящихся внести корректировки в свои стратификационные данные. Такая последовательность стояния по порядку определяется социальной дистанцией интригующих конкурирующих взаимодействий и близкородственными узлами, лишаящими шанса (иммобильностью) на выход из очередности, из предначертанного корпоративного пути межпоколенческого движения по вертикали иерархий.

При укоренении декларируемой подобной современной повестки социально-экономических отношений можно с полной уверенностью заявить о неравномерности восприятия мест обитания с признанными собственническими правами и мест пребывания и нахождения, которые всегда становятся оппозиционными к потреблению, отчуждению, владению. Исследователь не раз отмечал, что русский язык небогат в вопросах экономического распределения [14, с. 119], и благодаря навязываемой правильности трактования переводимых материалов, игнорируются целые связанные лексические понятийные аппараты, дающие объяснения нераскрытым терминам.

Заявим здесь, что по сути своей жильем может быть лишь та единственная точка в социальном пространстве нахождения индивида, которая может быть подтверждена устоявшимися нормами, признанная как единственная существующая к исполнению только лишь в этот историко-культурный момент, с возможностью присвоения культурно-экономических благ, а также правом на их отчуждение. Обозначенное делает данное определение перифразом термина места обитания, данного ему П. Бурдьё [15, с. 59]. Как не раз указывалось автором,

данные понятия «место обитания» и «жилье» являются синонимами и взаимозаменяемы [14, с. 119].

Отсюда, пресловутый социальный стереотип «мой дом моя – крепость» [16, с. 33–40] вызывает ажиотаж, который возникает воспроизводством реакции на несправедливость распределения социально-экономических благ. Там, где есть дом, необходимо всестороннее нормативное признание дома за его владельцем; там, где есть крепость, присутствует неосознанное баронетство, которое требует от претендента на владение недвижимым имуществом юридических гарантий неприкосновенности прав отчуждения единственно признаваемой формой владения.

Сделаем вывод, дом – это заявление о намерениях обустройства места нахождения с трансформацией в место пребывания, и при признанности прав на доминирование в социальной среде с возможностью присваивания социально-культурных благ, становится местом обитания. И на то, насколько обоснованными являются требования, настолько лояльной будет внешняя среда с позиции легитимизации легитимности в жилье.

В то же время жилище – более расширенное понятие, охватывающее не только зафиксированное в тот или иной историко-культурный момент нахождения индивида, с подтверждением нормативной перцепции его прав на комфорт, но и его движение, смену с незакрепленного положения в структурной иерархии собственников, где его социальный шанс и желание обрести домашний уют делятся на ноль поддерживаемой общественными структурами этикой купеческого ума и эмпатией предпринимательской сообразительности.

Покажем здесь признанность возможности обладания жильем на примере людей, рожденных в условиях квазиреформ государственного устройства с последующей трансформацией общественных отношений.

В СССР, несмотря на свой государственный капитализм, пытались следовать и придерживаться правил распределения культурно-экономических благ, исходя из понятия изменяемой трактовки социальности в соответствии с тем или иным решением партии. Ребенок, родившийся в 80-х гг. XX в., был социально защищен, с сохранением права жительства в жилище, с шансом наследования обрести жилье. Стоит отметить, что права детей при приватизации жилой недвижимости были воссозданы только в 2003 году, когда было закреплено верховенство Конституции РФ. Символической властью на жилье дети, рожденные в России, стали обладать априори, по факту владения их семьи.

Когорта появившихся на свет в разрушаемом социальном государстве 1990-х годов XX века оказалась перед этической дилеммой «меньшего зла» их отцов и матерей, которые могли включать своих детей в договоры приватизации или отказывали им в таком праве. Те же, в свою очередь, оказывались ни с чем в праве на жилье. По сути, целое демографическое поколение утратило, благодаря «свободе воли» своих родителей, в нормативно-правовой перцепции на место обитания, сохраняя при этом возможность на место пребывания, но и это не может быть фактом.

Поэтому жилье может являться лишь тем местом, где точка нахождения индивида в социальном пространстве определяется правом личности, подтверждается защитой поклонения реликтовому культу декларирования идей существующей формации, действующему в тот или иной исторический социокультурный момент (при пещерном строе – наличие палки-копалки, при феодальном – меча, врученного девою из озера), экономически обосновывающему закрепление возможности на отчуждение социальных благ.

В ином случае (в бесправном состоянии) точка нахождения мобильна, сменяема, и не обеспечивает защиты права человека на жилье. И можем говорить о месте пребывания, месте положения, которое определяет факт нахождения необеспеченного обоснованием обладания социокультурными благами. То есть будет заявлять: вы здесь находитесь, но не имеете разрешения здесь быть, однако «место пребывания» в реальности все же существует.

Каюта или скирд, койка в хостеле, купе несущегося сверхскоростного поезда, снятая по черной схеме арендованная квартира сохраняет иллюзию «жительства в дороге» [4, s. 149] на определенное время, но не фиксирует прав, не предлагает полной защищенности от внешних воздействий современного мира. Место пребывания выставляет индивида на арену против «предпринимательского» Голиафа без нормативно-правовой защиты, страховки и гарантий, без пращи, без шанса, вульгарным *le naturele*.

Арендополучатель, наниматель жилья, лишенный владением, правом отчуждения, пребывает в ущемленном состоянии, подчиненном по отношению к собственнику недвижимости, который, в свою очередь, благодаря аплодисментам поклонения «предпринимательскому духу», чувствует себя великолепно, ведь его будущее обеспечено хаотичными действиями риелторов, обслуживающих интересы представителей арендодателей, но не арендополучателей.

Отсюда идущее вразрез общим интересам противостояние желаний собственника жилья сохранить собственность на жилую недвижимость, и полярная ему крайняя необходимость арендополучателя обрести хоть какую-то точку в пространстве (которую со временем можно будет назвать пристанищем), сталкивается с тарантеллой проявлений предпринимательского поведения риелторского сообщества.

Несмотря на наличие объективных фактов, отрицается нахождение личности в социальном пространстве, а также нормативность признанности сего явления. Но риелторское сообщество настаивает на признании от органов управления перекрестного подтверждения взаимоисключающих установок, позволяющих зафиксировать не только оппозиционность интересов собственника и арендатора, но и их самих, обосновывая необходимость в риэлторах как сверхнужность при социальных коммуникациях современной формы хозяйствования.

Впрочем, как и всегда, люмпен-буржуазия при борьбе за наполнение своего и так переполненного кошелька в очередной раз вешает над собой дамоклов меч [17, с. 161], определяющий и оправдывающий ее существование.

Вывод

Таким образом, нужда в жилье или доме до сих пор является крайне важной потребностью в домашности и уюте, равным образом обретая свойства недостижимого обетованного места как пристанища, которое подарит защиту от внешнего мира, как места бытия, воспроизводящего его актора и саму себя, и как места нашего очищения от суеты жизни, обладающего всевозможными характеристиками, воссоздающими мистичность непостижимого комфорта от всевозрастающих удовлетворений удовольствий.

То есть жилье есть то, что мы мыслим в определенный момент, на что имеем подтвержденные гарантии в воспроизводстве возможности извлечения из него полезности в присваивании благ, и жесткую и жестокую конфронтацию с теми, кто лишен этого шанса, благодаря нашим всесторонним взаимодействиям, находясь в подтвержденной точке социального пространства, допустим, куче листьев, коробке, пусть даже бетонной или картонной, что в дальнейшем предопределяет действия, поскольку идентифицирует наше становление как личности, соотнося параметры жилища с факторами, влияющими на нашу социализацию.

Литература

1. Клабукова В. Российский чиновник призвал оставшихся без электричества россиян покупать печи // Лента.Ру. 17 октября 2024. URL: <https://lenta.ru/news/2024/10/17/pechi-irkutsk/>.
2. Платон. *Государство. Книга восьмая. «Тиранический» человек. Сочинения в четырех томах* / Под ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, **2007**. Т. 3. Ч. 1. 752 с.
3. Ashton G., Kline D. T. Shitty, Bloody and Funny: Monty Python and the Holy Grail in the General Economy // *Medieval Afterlives in Popular Culture*. Palgrave Macmillan, **2012**. 258 pp.
4. Heidegger M. Bauen Wohnen Denken (1951) // *Gesamtausgabe. Band 7. Vorträge und Aufsätze (1936–1953)* / Ed. Friedrich-Wilhelm von Herrmann. **2000**. 298 pp.
5. Naturmytiske balladar. URL: https://www.dokpro.uio.no/ballader/lister/tsbalfa_titler/tittel_101a.html.
6. Heidegger M. Das Ding (1950) // *Gesamtausgabe. Band 7. Vorträge und Aufsätze (1936–1953)* / Ed. Friedrich-Wilhelm von Herrmann. **2000**. 298 pp.
7. Lefebvre H., Nicholson-Smith D. *The Production of Space*. Wiley-Blackwell. **1992**. 464 pp.
8. Ленин В. И. По поводу так называемого вопроса о рынках // *Полное собрание сочинений: в 55 т.* 5-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит., **1967**. Т. 1. 1893 ~ 1894. 662 с.
9. Булгаков С. Н. Основные проблемы теории прогресса // *Сочинения в двух томах. Том II. Избранные статьи*. М.: Наука, **1993**. 752 с.
10. Sombart W. *Vom Menschen. Versuch einer geisteswissenschaftlichen Anthropologie*. Berlin: Duncker & Humblot, **1938**. 488 s.
11. Зомбарт В. *Собрание сочинений. Т. 3: Роскошь и капитализм; Война и капитализм*. СПб.: Владимир Даль, **2008**. 478 с.
12. Бодрийяр Ж. *Общество потребления: его мифы и структуры*. М.: Республика, **2006**. 268 с.
13. Humer S. Robinson Crusoe and the Secret of Primitive Accumulation // *Monthly Review*. **1971**. Vol. 63. P. 11–36.
14. Муфтахова А. Н., Козырева Л. Д. Жилищная стратификация в странах Евросоюза // *Экономическая социология*. **2018**. Т. 19. №1. С. 116–142.
15. Бурдые П. *Социология социального пространства*. М.: Институт экспериментальной социологии, **2007**. 576 с.
16. Алексеев А. Н. Моя жилищная история. Опыт тематически фокусированного автобиографического повествования // *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*. **2016**. №5. С. 33–40.
17. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. М.: Политиздат, **1957**. Т. 8. 689 с.
18. Ильин В. В., Кокоева И. А., Родин П. Н., Шимко А. В. Семантика города // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия*. **2023**. №4(66). С. 16–25. DOI: 10.26456/vtphilos/2023.4.016.
19. Ильин В. В. *Теория познания. Символика. Теория символических форм*. М.: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, **2013**. 384 с.
20. Ильин В. В. *Философия кризиса: человечество на пороге катастрофических перемен*. М.: Проспект, **2022**. 104 с.

Поступила в редакцию 31.05.2024.

DOI: 10.15643/libartrus-2024.3.2

The concept of dwelling and home as a “promised place”

© A. N. Muftakhova

North-West institute of management, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
57/43 Sredny Prospekt of V. O., 199178 St. Petersburg, Russia.

Email: msmalmira@yandex.ru

The relevance of the topic lies in the fact that by endowing dwelling and a house with non-existent constructs, the moment of prescribed possession of socio-cultural commodities is removed. Subsequently, under the influence of uncontrolled external factors, the need to solve the housing issue is modified into a kind of quest for Promised Land, which is incomprehensible and can never be acquired. This material showed an extreme need to consolidate the conceptual apparatus for application in further methodological research. Mixing, and sometimes outright confusion in the categories of home, household, housing and dwelling, demonstrates the researcher's non-immersion in the object under study and complete disregard for objective factors that exist contrary to certain scientific schools. In the paper, an attempt is made to distinguish the above concepts, identifying dwelling in housing and separating house from home, isolating the building from the domesticity. Action of terms explaining the life of an individual in a social space is supported by the weight of comparative comparisons, with the elimination of errors and logical assumptions used in the study of dwelling issues. The main purpose of the material is to identify the polar difference between the differences of a house and a dwelling. The object was the conceptuality of the difference between a house and a dwelling. The subject indicates the unattainability of the “promised place” through the categories of dwelling and home.

Keywords: dwelling, housing, house, shelter, habitat, place of residence.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Muftakhova A. N. The concept of dwelling and home as a “promised place” // *Liberal Arts in Russia*. 2024. Vol. 13. No. 3. Pp. 136–145.

References

1. Klabukova V. Lenta.Ru. 17 oktyabrya 2024. URL: <https://lenta.ru/news/2024/10/17/pechi-irkutsk/>.
2. Plato. *Gosudarstvo. Kniga vos'maya. "Tiranicheskii" chelovek. Sochineniya v chetyrekh tomakh [The republic. Book 8. The "tyrannical" man. Works in 4 volumes]*. Ed. A. F. Loseva, V. F. Asmusa. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2007. Vol. 3. Pt. 1.
3. Ashton G., Kline D. T. *Medieval Afterlives in Popular Culture*. Palgrave Macmillan, 2012.
4. Heidegger M. *Gesamtausgabe. Band 7. Vorträge und Aufsätze (1936–1953)*. Ed. Friedrich-Wilhelm von Herrmann. 2000.
5. Naturmytiske balladar. URL: https://www.dokpro.uio.no/ballader/lister/tsbalfa_titler/tittel_101a.html.
6. Heidegger M. *Gesamtausgabe. Band 7. Vorträge und Aufsätze (1936–1953)*. Ed. Friedrich-Wilhelm von Herrmann. 2000.
7. Lefebvre H., Nicholson-Smith D. *The Production of Space*. Wiley-Blackwell. 1992.
8. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii: v 55 t. 5-e izd.* Moscow: Gos. izd-vo polit. lit., 1967. Vol. 1. 1893 ~ 1894.
9. Bulgakov S. N. *Sochineniya v dvukh tomakh. Tom II. Izbrannye stat'i*. Moscow: Nauka, 1993.
10. Sombart W. *Vom Menschen. Versuch einer geisteswissenschaftlichen Anthropologie*. Berlin: Duncker & Humblot, 1938.

11. Sombart W. *Sobranie sochinenii. Vol. 3: Roskosh' i kapitalizm; Voina i kapitalizm [Collected works. Vol. 3. Luxury and capitalism; War and capitalism]*. Saint Petersburg: Vladimir Dal', **2008**.
12. Baudrillard J. *Obshchestvo potrebleniya: ego mify i struktury [Consumer society: its myths and structures]*. Moscow: Respublika, **2006**.
13. Hymer S. *Monthly Review*. **1971**. Vol. 63. Pp. 11–36.
14. Muftakhova A. N., Kozyreva L. D. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. **2018**. Vol. 19. No. 1. Pp. 116–142.
15. Bourdieu P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva [Sociology of social space]*. Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii, **2007**.
16. Alekseev A. N. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy*. **2016**. No. 5. Pp. 33–40.
17. Marx K. Marx K., Engels F. *Sochineniya*. Moscow: Politizdat, **1957**. Vol. 8.
18. Il'in V. V., Kokoeva I. A., Rodin P. N., Shimko A. V. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya*. **2023**. No. 4(66). Pp. 16–25. DOI: 10.26456/vtphilos/2023.4.016.
19. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Simvologiya. Teoriya simvolicheskikh form [Theory of knowledge. Symbology. Theory of symbolic forms]*. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi universitet imeni M. V. Lomonosova, **2013**.
20. Il'in V. V. *Filosofiya krizisa: chelovechestvo na poroge katastroficheskikh peremen [Philosophy of crisis: Humanity on the verge of catastrophic changes]*. Moscow: Prospekt, **2022**.

Received 31.05.2024.